УДК 930.26

С.М. Фокин

НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ О ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ НИЖНЕГО ПРИАНГАРЬЯ В ЭПОХУ ЖЕЛЕЗА

Впервые публикуются материалы четырех погребений железного века с поселения-могильника Скородумный Бык, расположенного на Ангаре в Мотыгинском районе Красноярского края. Все погребения выполнены по обряду трупосожжения на стороне. Приведены анализ археологического материала и датировка захоронений. Первое погребение относится к раннему железному веку, три других – к средневековью.

Ключевые слова: *могильник, погребение, ранний железный век, средневековье.*

Археологической экспедицией Сибирского федерального университета под руководством автора статьи в 2010 г. было открыто поселение-могильник Скородумный Бык, расположенное в Мотыгинском районе Красноярского края на Ангаре на скалистом мысу. В результате исследований 2010, 2012 гг. на памятнике были выявлены материалы от неолита до этнографического времени, среди которых наибольшее внимание заслуживают четыре погребения, относящиеся к эпохе железа. Археологический материал залегал в двух культурных слоях: поддерновом (I к.с.), содержавшим артефакты средневековья и русского времени, и нижележащем (II к.с.) слоем коричневой супеси, включавшей находки, датирующиеся от неолита до раннего железного века. Захоронения были обнаружены во II к.с. Все они выполнены по обряду трупосожжения на стороне.

Погребение № 1 находилось под двумя массивными камнями гранитной породы. Камни располагались над слабо читающимся пятном овальной формы. Оно было вытянуто в направлении запад – восток и имело размеры 85×47 см, глубиной 8 см и содержало единичные фрагменты жженых костей, вкрапления углей и прокала. Здесь же обнаружены бронзовые нож и фигурка льва. На дне этого пятна зафиксирована погребальная яма овальной формы размерами 45×32 см. Была заполнена прокаленной почвой и жжеными костями. В профиле яма имеет форму перевернутой трапеции с покатыми стенками глубиной 6 см. Дно удалось зафиксировать благодаря мелким фрагментам обожженной бересты. Таким образом, прах умершего был либо положен на берестяную подстилку, либо полностью завернут в берестяной конверт.

Восточнее описанной ямы фиксировалось еще одно зольное пятно. Оно имело овальную почти круглую форму диаметром 21 см и глубиной 4 см. В этой яме выявлены жженые костные останки головы человека с бронзовой пластиной-диадемой в налобной части и одиннадцатью бронзовыми боченкообразными бусинами в районе шеи. Сопроводительный инвентарь погребения представлен ножом, пластиной-диадемой, фигуркой животного, изготовленных из мышьяковистой меди, и бусами (рис. 1, *1–5*), предположительно сделанными из медной руды – теннантита (спектральный анализ изделий проведен зам. зав. Лаборатории научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа к.и.н. С.В. Хавриным).

Наибольшего внимания заслуживает миниатюрная фигурка льва с размерами 2,7×1,9 см (рис. 1, *1*). Она имеет следы оплавления, полученного, по-видимому, в результате сожжения вместе с умершим. Судя по неровной основе, на которой стоит зверь, это навершие какого-то изделия. У фигурки четко выделен хвост, конец которого завивается с одной стороны внутрь, а с другой – наружу. Детально оформлена голова, которая четко отделяется от тулова. В фас и профиль фиксируются глаза, нос и рот. Особо крупными являются уши. Нанесение глаз с каждой стороны различается. Также отличимы уши, одно из которых имеет заметно укрупненную форму. Вдоль головы сверху читается углубление-шовчик. Таким образом, нами было выявлено погребение, выполненное по обряду трупосожжения. Причем основной костяк умершего был сожжен на стороне, в то время как голова – на месте захоронения.

Датировка погребения определяется по ножу, фигурке льва и радиоуглеродной дате, полученной

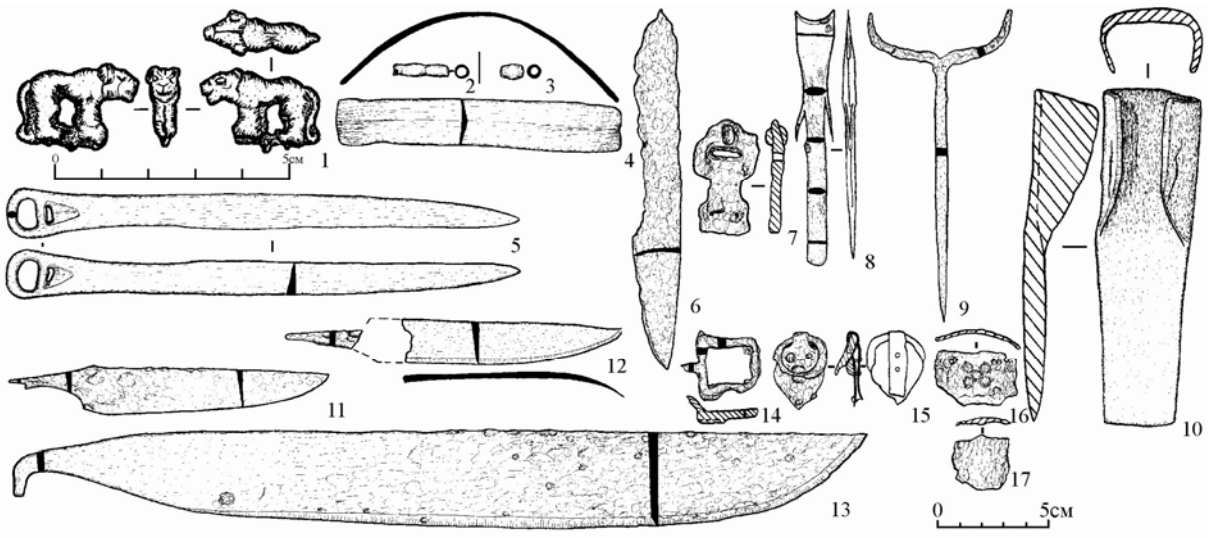

Рис. 1. Могильник Скородумный Бык. Сопроводительный инвентарь погребений № 1 (*1–5*), № 2 (*6*, *7*), № 3 (*8–13*) и № 4 (*14–17*). *1–5* – бронза; 6–17 – железо

по углям, обнаруженным рядом с диадемой. По этим углям установлена дата 2545±95 лет (СОАН-8322). То есть с учетом отсчета абсолютного датирования от 1950 г. возраст погребения определяется началом VII – концом VI в. до н.э. Нож отличается своей массивностью (рис. 1, *5*). Такие ножи, по мнению Н.Л. Членовой, относятся к раннему периоду тагарской культуры и датируются VII–V вв. до н.э. Причем считается, что чем массивней (толще) нож, тем он имеет более раннюю датировку [1. С. 170–171]. Изображения кошачьих животных широко распространено в культурах скифского мира и широко распространяются в IV в. до н.э. [2. С. 72–73, 79, 90–91. Табл. XLI, *1, 2, 6–8*, *12*; XLII, *19*, *20*]. Наибольшее сходство по стилю описываемая фигурка имеет с ременной бляшкой из погребения № 3 могильника Обские Плесы-II, расположенного на Алтае (Алтайский край) и датируемого VI–V вв. до н.э. [3. С. 109. Рис. 14, 2]. Анализ состава бронзовых изделий также позволяет корректировать их датировку. Большое содержание меди считается характерным для карасукского и раннего скифского времени [4. С. 101].

Кремированные захоронения широко представлены на памятниках Нижней Ангары в эпоху раннего железного века и датируются V–II вв. до н.э. Имеются и отдельные захоронения человеческих голов, но без точной датировки [5. С. 168; 6; 7. С. 12–15]. Основываясь на анализе наиболее выразительных изделий сопроводительного инвентаря, его химическом составе и абсолютной датировке, погребение можно датировать VI в. до н.э.

Погребение № 2 располагалось под небольшим камнем. Погребальная яма имеет в плане округлую форму диаметром 32 см. В профиле яма имеет форму перевернутой трапеции глубиной 21 см. Сверху она была заполнена землей с мелкими фрагментами жженых костей, глубже – одними жженными костями, среди которых имелись пять обломков суставных головок нижних конечностей. Сопроводительный инвентарь представлен железными сильно коррозированными ременной прямоугольно-рамчатой щитковой пряжкой (рис. 1, *7*) и обломком лезвия ножа (рис. 1, *6*), а также мелкими обломками изделия, не поддающегося интерпретированию.

Погребение № 3 представлено погребальной ямой, располагавшейся в направлении северо-запад – юго-восток размерами 82×48 см. По краям ямы на ее плечиках лежали два небольших камня. Внутри ямы на глубине 7 см от плечиков имелось углубление – внутренняя яма размерами 63×38 см. Эта яма имела глубину 12 см. Часть погребальной ямы с большими размерами была наполнена скоплением углей и малочисленных костных остатков. Над ней почти посередине были обнаружены обломки дугообразной железной скобы. На уровне плечиков внутренней ямы в северо-западном крае лежало железное тесло, вдоль северо-восточной стенки располагались железные тесак и нож под ним. В центре находились железные наконечники стрел и Y-образный предмет, которые частично были углублены в нижележащую яму. Рядом с артефактами поперек ямы лежали обугленные древесные остатки. Внутренняя яма была заполнена в основном жженными костями. На дне у юго-восточного края был обнаружен обломок еще одного железного ножа. Сопроводительный инвен-

тарь погребения представлен железными тесаком, теслом, семью боеголовковыми долотовидными шипастыми наконечниками стрел, Y-образным предметом, двумя ножами и скобой (рис. 1, *8–13*). За исключением скобы остальные предметы имели вторичную закалку. Кроме скобы, все остальные предметы могли использоваться в военных целях. Маловероятно, что шипастые наконечники, призванные наносить тяжелые и болезненные раны, трудно извлекаемые из жертвы, предназначались для охоты. Поэтому есть основания считать, что данное погребение принадлежит воину.

Погребение № 4 представляло собой яму квадратной формы с размерами сторон 25 см, ориентированных по сторонам света. Ее глубина 18 см и разделяется на верхний слой скопления углей и жженых костных остатков и нижний слой, содержавший основное количество жженых костей и сопроводительный инвентарь, представленный железными сильнокоррозированными деталями поясного набора. Этот набор включал в себя подпрямоугольно-рамчатую пряжку, листовидную подвижную бляху с тремя заклепками и двумя подпрямоугольными слегка изогнутыми в профиле пластинами (рис. 1, *14–17*). На одной из пластин прослеживается орнамент в виде округлых выступов. Посредине таких выступов пять. По диагонали в трех углах читаются еще выступы. Причем в одном углу заметны три округлых выступа, образующих форму треугольника. С внутренней части каких-либо следов от этих «заклепок» не прослеживается (рис. 1, *16*).

Датировка погребений № 2–4. Данные захоронения относятся к средневековому времени, и потому имеет смысл рассматривать их сообща. Обряд трупосожжения на стороне в средневековье является преобладающим для Нижнего Приангарья. Погребения могильников Усть-Кова, Кода, Чадобец, Отика и о. Сергушкин датируются VIII–X вв. н.э. [7. С. 18–21]. Захоронения могильников Усть-Тасеевского и Проспихенская Шивера-IV определяются XI–XIV вв. [8. Т. 2; 9. Т. 17].

Для второго захоронения датирующим предметом является ременная пряжка. Прямоугольно-рамчатые пряжки были широко распространены на территории Южной Сибири и в лесостепных зонах боле северных территорий в середине – 2-й пол. I тыс. н.э. [10. С. 122–123]. Несмотря на обилие сопроводительного инвентаря третьего погребения, датирующих изделий в его наборе немного.

Железные тесаки являются, по всей видимости, характерным колюще-рубящим оружием таежного населения Приенисейской Сибири, поскольку на сопредельных территориях такие предметы не встречены. По Енисею такие предметы выявлены в погребениях Большемуртинское, № 7 и № 8 Усть-Шилкинского могильника. Первое погребение датируется IX–X вв., два других – VI–VIII вв. [11, 12]. Представлены тесаки и в захоронениях могильников Ангары: Усть-Тасеевское, Проспихенская Шивера-IV, о. Сергушкин. Датируются они, как и в целом погребения, от IX–X вв. [13] до XII–XIV вв. [8]. Бесплечиковые тесла имеют широкий хронологический диапазон, появляясь еще в I тыс. н.э., они существуют и во II тыс. [14. С. 48]. Рассматриваемое тесло, несмотря на наличие слабого перехода, относится к бесплечиковым. Оригинальной формы шипастые наконечники стрел также не имеют на сегодня четкой датировки. Десять наконечников, близких по типу, происходят из погребения Миндерла и отличаются тем, что острие наконечников прямое, а сами они изготовлены более качественно. По наличию кыргызских вещей погребение датируется IX–X вв. [15. Рис. 1, *5*]. На других территориях близкие к рассматриваемым наконечники известны в верховьях р. Лена и датируются XVII–XIX вв. [16. Рис. 1, *3*, *4*].

Y-образный предмет встречен на многих средневековых памятниках тайги Приенисейской Сибири. Датируются эти предметы X–XIII вв., но, судя по наличию их в позднесредневековых захоронениях, они продолжают существовать и во 2-й пол. II тыс. [17. Вып. 3. С. 175]. Меньших размеров с ответвлением концов под острым углом мы имеем предмет из погребения Миндерла [15. Рис. 1, *9*]. Железные скобы встречены на могильнике Проспихенская Шивера-IV. Все они выявлены над погребениями, что позволяет авторам раскопок предположить, что это элемент надмогильной конструкции [18. С. 246]. Таким образом, представленный анализ сопроводительного инвентаря не дает нам возможности четко датировать погребение. Поэтому погребение №3 предварительно датируется XI–XIV вв.

Сопроводительный инвентарь погребения № 4 представляет собой остатки поясного ремня. Прямоугольно-рамчатые пряжки появляются еще в I тыс. н.э., но распространение получают уже во II тыс. Как правило, они датируются X–XIV вв. [19. С. 83]. Листовидные щитки встречаются в тройных распределителях ремней конской узды в культуре енисейских кыргызов. Встречены они и в некыргызском погребении Миндерла. Датировать их можно IX–X вв. [15. С. 314. Рис. 3, 4]. Подводя итог вышесказанному, погребение №4 предва-рительно можно датировать X–XI вв. н.э.

Таким образом, открыт новый могильник, содержащий погребения, выполненные по обряду трупосожжения на стороне. Оригинальным является погребение №1, которое состоит из двух погребальных ям, в одной из которых на месте была сожжена голова умершего. Датируется погребение VI в. до н.э. Три погребения средневекового времени пока имеют предварительную датировку: № 2 – середина – 2-я пол. I тыс. н.э.; № 3 – XI–XIV вв.; № 4 – X–XI вв. Различный сопроводительный инвентарь погребений и разная его сохранность позволяют считать, что могильник в средневековье существовал длительное время и погребения неодновременны. Социальный статус прослеживается только по третьему погребению, которое принадлежало воину. Вопрос этнокультурной принадлежности захоронений пока остается открытым, хотя не вызывает сомнений, что все они оставлены автохтонным таежным населением.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Членова Н.Л.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967.

2. *Богданов Е.С.* Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии (скифо-сибирская художественная традиция). Новосибирск, 2006.

3. *Ведянин С.Д., Кунгуров А.Л.* Грунтовый могильник староалейской культуры Обские Плесы II // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С. 88–115.

4. *Хаврин С.В.* Металл памятников I тысячелетия до н.э. таёжной зоны Среднего Енисея // II Северный археологический конгресс. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2006. С. 101–102.

5. *Привалихин В.И.* Цэпаньская культура раннего железного века Северного Приангарья. История открытия, результаты и перспективы исследований // Второй век подвижничества. Красноярск, 2011. С. 161–183.

6. *Привалихин В.И.* Ранний железный век Северного Приангарья: автореф. дис. … канд. ист. наук. Кемерово, 1993.

7. *Леонтьев В.П.* Железный век Северного Приангарья: автореф. дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 1999.

8. *Лысенко Д.Н., Гревцов Ю.А.* Погребения по обряду трупосожжения могильника Усть-Тасеева // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий. Красноярск, 2006. Т. 2. С. 47–48.

9. *Мандрыка П.В., Сенотрусова П.О., Бирюлева К.В.* Результаты работ на ансамбле археологических памятников Шивера, Проспихино на Ангаре // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2011. Т. 17. С. 432–436.

10. *Вадецкая Э.Б.* Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб., 1999.

11. *Николаев Р.В.* Кыргызское погребение в Большемуртинском районе Красноярского края // Археология Северной Азии. Новосибирск, 1982. С. 131–135.

12. *Мандрыка П.В.* «Ритуальное погребение» в берестяной коробке на Енисее // Интеграция археологических и этнографических исследований. Красноярск, 2006. С. 264–267.

13. *Привалихин В.И.* О погребальной обрядности таежного населения Северного Приангарья в начале II тыс. н.э. // Культурно-генетические процессы в Западной Сибири. Томск, 1993. С. 101–103.

14. *Адамов А.А.* Новосибирское Приобье в X–XIV вв. Тобольск; Омск, 2000.

15. *Фокин С.М.* Средневековое погребение Миндерла // Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем. Томск, 2003. С. 313–315.

16. *Николаев В.С., Кустов М.С., Инешин А.В.* Эвенкийское погребение на севере Верхней Лены и некоторые вопросы производства наконечников стрел на территории Предбайкалья в эпоху средневековья // Интеграция археологических и этнографических исследований. Красноярск; Омск, 2006. С. 268–271.

17. *Мандрыка П.В.* Материалы многослойного поселения Шилка-9 на Среднем Енисее и их значение для древней истории южной тайги Средней Сибири // Известия лаборатории древних технологий. Иркутск, 2005. Вып. 3. С. 172–185.

18. *Сенотрусова П.О.* Некоторые вопросы погребальной обрядности средневекового населения Северного Приангарья // Археология, этнография, палеоэкология Северной Евразии: проблемы, поиск, открытия. Красноярск, 2011. С. 245–248.

19. *Беликова О.Б.* Среднее Причулымье в X–XIII вв. Томск, 1996.